
СТАТЬИ

В. В. Мартынов

ПРУССКО-СЛАВЯНСКИЕ ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ ИЗОЛЕКСЫ

В обычной исследовательской практике мы используем термин изоглоссы (resp. изофоны, изоморфы, изолексы) для представления пространственных связей соответствующих языковых феноменов. При этом указание на парность таких связей, т. е. на участие в них двух языков, как правило, совсем не означает того, что данный феномен наблюдается исключительно в двух соотносимых языках. Между тем понятие исключительности парной связи оказывается в ряде случаев чрезвычайно важным и полезным в эвристическом отношении, поэтому его экспликация необходима.

Условимся считать эксклюзивными изолексами такие парные отношения между лексемами, когда первый член отношения включает в себя только данный язык и исключает все генетически соотносимые с ним языки и диалекты. В нашем случае в прусско-славянские эксклюзивные изолексы входят такие имеющие параллели в славянских языках прусские лексемы, которые в то же время не имеют генетических соответствий в других балтийских языках. Разумеется, при установлении изолексов возможны разного рода ошибки и просчеты, но при увеличении числа соответствий их надежность пропорционально растет. Нельзя также выпускать из виду следующее обстоятельство. Лексика прусского языка представлена весьма ограниченным числом памятников с общим объемом около 3,5 тысяч разных лексем (включая все производные), в то время как лексика литовского языка исключительно богата, поэтому, если мы сравниваем количество прусско-славянских эксклюзивных изолексов с количеством литовско-славянских, мы должны число первых увеличивать во столько раз, во сколько число зафиксированных литовских лексем больше числа прусских. И что еще важнее, — эксклюзивность прусских лексем по отношению к другим балтийским относительно легко проверяется сравнением с богато представленной литовской и латышской лексикой, но обратное неверно: эксклюзивность литовской или латышской лексики гораздо менее надежна, поскольку ее приходится проверять сравнением с чрезвычайно бедным списком прусских лексем. А так как прусская лексика представляет западнобалтийский языковой ареал, а литовская и латышская — восточнобалтийский, то эти замечания справедливы соответственно по отношению к ним.

Мы отметили обстоятельства, благоприятствующие отграничению прусской лексики от остальной балтийской, или западнобалтийской от восточнобалтийской. Однако есть фактор, существенно затрудняющий такого рода отграничение. Имеется в виду проблема прусско-польских языковых контактов (соответственно прусско-кашубских). В ряде случаев предполагаемые прусско-славянские изолексы могут интерпретироваться как достаточно старые полонизмы в прусском и, если эти лексемы не имеют параллелей в других балтийских языках, возникает иллюзорная эксклюзивность прусских слов. Таким образом, примеры, в которых можно заподозрить польское лексическое проикновение в прусский, должны быть исключены из рассмотрения.

После этой необходимой преамбулы мы приступаем к анализу примеров, расположенных в порядке алфавитного списка прусских лексем¹.

1. *accodis* 'дымоход' (РКР-II, 266: лит. *dūmalaide*). Приводимая здесь реконструкция **atkādis* уже является этимологией и предполагает выделение префикса *at-* и корня *-kād-*, генетически соотносимого с праслав. *kaditi* 'дымить', *čadъ* 'дым, копать, сажать'. Формально тождественным по отношению к **at-kād-is* было бы праслав. **ot-čad-ъ*. В славянских языках обнаруживаются формы ж. р. с *i*-основой (с.-хорв. *čad* 'чад', рус. *чадь* 'чад, угар') (ЭССЯ 4, 10). Другие версии выглядят неубедительными (напр. *accodis* < **ak-utis* 'глазок'²). Ср. возражения против этой этимологии (Топоров, Прус. яз. А—D, 70). Праслав. *kaditi* и *čadъ* (*čadъ*) не следует рассматривать как формы, представляющие разные ступени аблаута. Согласно Шевелеву, *čadъ*, *čaša*, *žaba* и др. отражают вторичную экспрессивную палатализацию³. При этом он ссылается на отсутствие рефлексации с *e*-огласовкой в индоевропейских соответствиях. Здесь следует заметить, что в славянских языках нет ни одного убедительного примера перехода $\bar{e} > \bar{a}$ после *j*, мягких шипящих и аффрикат⁴. Таким образом, различие в вокализме между *atkādis* и *čadъ* не обнаруживается (см. еще ЭССЯ 4, 9—10). Топоров (Прус. яз. А—D, 70) реконструирует др.-прус. *at-kōdit* (ср. реконструкцию Мажюлиса, приведенную вначале) и определяет ее как возможное славянское заимствование (?). Если славянские формы отражают и.-е. $\bar{a}$, то оно соответствует балтийскому и древнепрусскому $\bar{a}$, отраженному в Эльбингском словаре во всех позициях как *o* (*oa*)⁵. Надежных индоевропейских параллелей для прусского и славянских слов не обнаруживается.

2. *a uculo* 'игла' (РКР-II, 255: лит. *ādata*). Обзор этимологий дает Топоров (Прус. яз., А—D, 59). Реконструированное **aigula* по Топорову, возможно из **eigula* ($a < e$ в анлауте). Соотнесенность с праслав. *jьgъla* 'игла' является общепризнанной, однако обычная ее интерпретация вызывает сомнения. Не убеждает предположение о различных степенях аблаута в прусской и праславянской формах (*eigūlā-igūlā*), поскольку эти лексемы имеют тождественную морфологию и семантику (к тому же *jьgъla* относительно позднее названия орудия). Мы склонны скорее предположить др.-прус. (западно-

балт.) *eigula < праслав. *jьgъla*. Праслав. *jьgъla* получило недавно убедительную этимологию: *jьgъla* ∼ *jьgo* (Machek² 220—221). Эту этимологию развил и усилил Трубачев (ЭССЯ 8, 214). Ср. словен. *iglica* 'стержень, соединяющий части ярма', словц. *ihlica* то же. В то же время праслав. *jьgъla* квалифицируется как заимствование из латинского⁶ (ср. нар.-лат. *acucula*, *agu-*) на основании того, что в нем просматривается типичный для латинского уменьшительный суффикс *-ula*. Если принять эту этимологию, то придется признать вторичное уподобление *jьgъla* и *jьgo*. Приведенные выше народно-латинские формы нерегулярны и фонетически далеки от рассматриваемой лексемы. Кроме того, непосредственные латинские заимствования не являются характерными для праславянского. С другой стороны, образование *iugam > *iugula типичная для итальянского словообразовательная инновация, что наводит на мысль о итальянском источнике. Это заключение подтверждается разбоем фонетических рефлексаций *jьgъla* при их единообразии для *jьgo*, генетически тождественном лат. *jugum* (ср. хорв. *jàgla*, словен. *jègla*, чеш. *jehla*, *jahla*, в.-луж. *jehła*, *johła*, польск. *jegła*, кашуб. *jegła* и др.). Перечисленные формы частично совпадают с восточнобалтийскими по структуре названиями 'иглы хвой' (ср. чеш. *jehlice* 'хвоя', словен. *jègla* 'сосна', *jeglece* 'хвоя', польск. *jegła*, *jagła* то же). Очевидно, восточнобалтийское влияние поддерживало контаминацию проникшего *jьgъla* и исконного названия иглы (resp. иглы хвой) — *jedla*. Праслав. *jedlь* 'ель' имеет полное западнобалтийское соответствие (др.-прус. *adde* 'ель'). Именно в этой лексической группе скрывалось старое протобалтийское название иглы, потому что название иглы и процесса штопки в восточнобалтийских языках восходит к **edh-* (ср. лит. *ādata* 'игла', *adyti* 'штопать', лтш. *adata* 'игла', *adīt* 'штопать' (Топоров. Прус. яз. А—D, 57).

3. *b a b o* 'боб' (РКР-II, 305: лит. *purà*). Немецкий перевод (Wopen) указывает на собирательное значение (Топоров Прус. яз. А—D, 181—182); генетически тождественное с прусской лексемой, имеет также совпадающий с прусским морфолого-семантический вариант *boba* (основа на *a* ж. р. со значением собирательности) (ЭССЯ 2, 148—150). Ср. с.-хорв. *boba* 'вареный горох, фасоль', рус. *боба* 'бобы' (на последнюю форму обратил внимание Топоров Прус. яз. А—D., 181). Трубачев подчеркивает особую морфологическую близость праслав. *boba* к лат. *faba* 'боб' (ЭССЯ 2, 142). Лат. *faba* имеет итальянскую параллель в лице фалиск. *haba* 'боб' и, следовательно, с большей надежностью реконструируется итальянская праформа, восходящая к и.-е. *bhabā*. Другие индоевропейские формы не обнаруживаются.

4. *g a b a w o* 'жаба' (РКР-II, 308: лит. *gùrpižė*). Значение 'жаба' подчеркивается следующим с ним в Эльбингском словаре словом *trupeyle* (*crupeyle*) 'лягушка' (Топоров Прус. яз. Е—Н., 124—127). Возможность выделения в прусском слове старой основы на *-u-*⁷ подкрепляется следами той же основы в славянских соответствиях (Топоров Прус. яз. 126). Ср. следующие словообразовательные варианты праслав. *žaba*: болг. *жабуныяк*, польск. *żabowaty*, *żabunia* и др. Как

и в случае с праслав. *čadъ* (см. 1. *accodis*) слово *žaba* не предполагает е-степень аблаута. Топоров (Прус. яз. Е—Н., 125) присоединяется к мнению Шевелева. Попытки связать др.-прус. *gabawo* с восточнобалтийской лексикой вызывают сомнения. Во всяком случае, надежных и точных соответствий мы здесь не находим. В то же время уже давно указывалось на лат. *būfo*, *-ōnis* 'лягушка' (*gūōb-hō-n), фонетика которого квалифицирует его как итальянский (оскский) диалектизм.

5. *geits* 'хлеб' (РКР-II, 267: лит. *dūona*). Прежде всего следует отметить, что первая отмеченная здесь фиксация формы *geytka* допускает толкование 'пицца' как обобщение по отношению к 'хлеб'. Об этом свидетельствует текст из фрагмента ОТ: *Dewes does dantes*, *Dewes does geitka* (в литовском переводе Мажюлиса: *diėvas dāve dantis*, *diėvas duōs ir dūonos*) (РКР-II, 64)⁸. Интересно, что в русских говорах, как на это уже было обращено внимание (Топоров Прус. яз. Е—Н., 196), *жито* получает значение 'вид пицци'. Вообще же в прусских текстах (и это согласуется с контекстом катехизисов) *geitis* употребляется главным образом в евангельском значении 'хлеб' ('хлеб насущный, хлеб, добытый в поте лица'), т. е. как синоним к 'пицца'. Праслав. *žito*, генетически соотносимое с прусским словом, означает 'зерновые, зерно' и отдельные виды зерновых. В то же время в значении 'пицца' выступают генетически соотносимые кельтские лексемы (др.-ирл. *biad*, *hiith* 'пицца', *biathaim* 'питаю', кимр. *bwyd* 'еда' < *gūeito и др.) (Топоров Прус. яз. Е—Н., 197). Таким образом, для праславянского через южнославянскую и древнепрусскую лексику реконструируется значение 'хлеб'⁹, а для древнепрусского через семантический анализ и кельтскую лексику — значение 'пицца'.

6. *kiosi* 'кубок, чаша' (РКР-II, 318: лит. *taurė*). Единственно надежной является славянская параллель — праслав. *čaša* 'чаша'. Фонетическая соотнесенность славянских и прусского слов интерпретируется сходным образом в уже упомянутых работах Шевелева и нашей¹⁰. Попытка обратиться к иранскому первоисточнику успеха не имеет (см. Топоров, Прус. яз. J—K, 372). Столь же гадательны попытки объяснить праслав. *čaša* и как словообразовательную инновацию (Ср. ЭССЯ 4, 31).

7. *la u x n o s* 'небесные светила, звезды' (РКР-II, 329: лит. *žvaigždės*). Славянское соответствие, праслав. *luna* 'луна, зарница, зарево, радуга' не является заимствованием из лат. *lūna*. Лат. *lūna* 'луна' дало бы праслав. *lyna (Skok 2, 330—331). Проникновение было осуществлено из долатинского итальянского *lauksna на западнобалтийский ареал¹¹. На славянской языковой почве проникшее *luna* (< *lauksna) перераспределила свои значения с исконным *měsěcъ*, еще балто-славянским и индоевропейским образованием (др.-инд. *māh*, гот. *mēna*, лит. *mėnūlis*). В древнепрусском ему соответствует *menig* (< *mēn-ikis с деминутивной суффиксацией) (РКР-II, 288, прим. 134). Ср. лит. *mėnūlis*, (< *mėn-ulis*). Поскольку значение 'луна' закрепилось за *mēnis, проникшее *lauksna* стало использоваться для названия звезд и планет (отсюда *pluralia tantum lau-*

gnos). В Эльбингском словаре *menig* и *lauznos* включены в первую (астрономическую) группу слов¹².

8. *luckis* 'полено' (РКР-II, 303; лит. *pliauskà*). Прусское слово генетически соотносится с праслав. *lučь* 'щепа, лучина, светильник' (с.-хорв. *luč* 'лучина, факел, сосна', словен. *luč* (свет, освещение и др.). Слово *luckis* 'полено' соседствует в Эльбингском словаре с *stolwo* (*scolwo*) 'щепа', которое может считаться его синонимом. Нерегулярной остается огласовка корня в прусском слове (ожидалось бы **laukis*). И все же, видимо, прусская и славянские лексемы отражают определенный способ освещения при помощи смолистой щепы, лучины. Латинские параллели к этой лексеме: *lūx*, *lūcis* 'свет', *lūmen* (< *luksmen*) 'свет, светильник, факел', *lucerna* 'свеча, светильник'). Прямых восточнобалтийских параллелей к праслав. *lučь* нет. Для обозначения 'свет, светильник' в литовском используются производные от *šviesti* 'светить' — *šviesà* 'свет, освещение', от *žibėti* 'блестеть, сверкать, светиться' — *žibiñtas*, *žibė* 'светильник' и др. В прусском и славянских языках для обозначения понятия 'свет' характерны рефлексии и.-е. **leuk-*, для восточнобалтийских — и.-е. **kveit-* (ср. др.-прус. *lauznos* 'небесные светила' и лит. *šviesulys* 'небесное светило'). То, что др.-прус. *luckis* не характеризует дерево по белому цвету (ср. др.-греч. *λευχός* 'белый') подтверждается иным обозначением белого цвета в прусском: *gaylis*.

9. *maldenikis* 'дитя' (РКР-II, 322; лит. *vaikas*). Это самое богатое гнездо слов в прусских памятниках. Помимо перечисленных выше словоформ сюда непосредственно относятся соответствующие производные с уменьшительной суффиксацией. Ср. *malnijks* и *malnijkix* 'дитяtko, Kindlein, vaikelis' (там же). Генетически тождественно праслав. *moldenьсь* 'дитя' (с.-хорв. *mládenac*, словен. *mládenec*, болг. *mládenec*, ст.-слав. *mládenica*, чеш. *mládenec*, в.-луж. *mlódzenc* и др.). Славянская и прусская лексемы входят в известную венетско-славяно-прусскую изолексу *molzonkeo* ∼ *moldenьсь* ∼ *maldenikis*¹³. При неопределенности венетской семантики длина слова в сочетании с формальной идентичностью делает эту изолексу достаточно надежной, а с ней и все гнездо, куда входят праслав. *moldъ* 'молодой', все его производные и др.-прус. *maldai* III, 97, 'юноши, jungen, jauni' со всеми иными производными от *mald-*. Если это значение восходит к семантике лат. *mollis* (< **molduis*) 'мягкий, нежный, хрупкий', др.-ирл. *meldach* то же ('мягкий, нежный, хрупкий' > 'юный'), но тем самым подкрепляется ориентация венетско-славяно-прусской изолексы.

10. *m e a l d e* 'молния' (РКР-II, 327; лит. *žaižas*). Реконструкция *ē* в данном примере является необязательной, поскольку *ea* в Эльбингском словаре может репрезентировать вторичную долготу и дифтонгизацию в позиции перед сонантами¹⁴. Реконструируемое **meld-* генетически соотносится с праслав. *mьld-ni* (< *mьld-n-*) 'молния'. Корнезавершающее *d* восстанавливается на основании рус. *молонья*, *молодня* 'молния', блг. *маладня* то же. Славянские и прусская формы имеют единственное близкое соответствие в кельтских языках (валлийск. *melli* 'молния')¹⁵. Все остальные соответствия

носят мифологический характер и связываются с оружием бога грома (типа др.-исл. *Mjollnir* 'молот').

11. *поўсон* 'нас' (р. п.), *поўмас* 'нам, нами' (РКР-II, 289: лит. *mės*), *ванс* 'вас' (в. п.) (РКР-II, 276). Эти формы отличаются от восточнобалтийских и в то же время близки к славянским. Для наглядности сопоставим склонение литовских и прусских личных местоимений первого и второго лица мн. ч.

	I лицо		II лицо	
	лит.	прусск.	лит.	прусск.
Им.	<i>mės</i>	<i>mes</i>	<i>jūs</i>	<i>iouš</i>
Род.	<i>mūsu</i>	<i>noūson</i>	<i>jūsu</i>	<i>ioušon</i>
Дат.-твор.	<i>mūms</i>	<i>noūmas</i>	<i>jūms</i>	<i>ioumas</i>
Вин.	<i>mūs</i>	<i>mans</i>	<i>jūs</i>	<i>wans</i>

Выделенные прусские формы не имеют ничего общего с литовскими. Они соответствуют славянским формам *насъ*, *намъ*, *намъ*. Др.-прус. *noūson* (I лицо, род. п.) реконструируется как **nūsōn*, *ū* появляется здесь по аналогии с *ioušon* (II лицо, род. п.), которое восстанавливается как **iūsōn* с регулярным *ū* (ср. лит. *jūsu*)¹⁶. На этом, однако, действие аналогии заканчивается. Если ее снять, логичнее всего определить архетип прусской формы как **nōsōn* (= слав. *nasъ*). Однако, как мы постараемся показать далее, такого рода реконструкция отнюдь не является обязательной. Др.-прус. *wans* (II лицо вин. п.) также может быть реконструировано как **iūsōn*¹⁷, изменившим огласовку по аналогии с *tans* (II лицо вин. п.). Остальные изменения нет никакой необходимости объяснять действием аналогии, ибо славянская система личных местоимений отличается от восточнобалтийской формами тех же лиц (они выделены на схеме).

	Восточнобалт.	Слав.	
	Ед. ч. Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
I лицо	<i>ež mes</i>	(j)az	<i>ny(my)</i>
II лицо	<i>tū jūs</i>	<i>ty</i>	<i>vy</i>

Форма *ty* является контаминационной по отношению к балт. *mes* и слав. *ny*. Протослав. **ji* (= балт. *jūs*) должно было совпасть с *jь* (= лит. *jīs*) 'тот, который, он', поэтому его рефлексии обнаружить не удастся. Отличные от балтийских славянские *ny*, *vy*, *nas*, *vas* зеркально соответствуют латинским (италийским) *nōs*, *vōs*, двойная рефлексия которых на славянской языковой почве зависит от их безударности или ударности (именительный падеж — косвенные падежи). Соответствующие прусским славянские формы тождественны италийским.

menpei 'мне' (РКР-II, 257: лит. *aš*), *tebbe*, *tebbei* 'тебе' (РКР-II, 320: лит. *tū*), *sebbei* 'себе' (РКР-II, 309: лит. *sāu*). Формы дат. п. ед. ч. личных местоимений обнаруживают те же закономерности, хотя в им. п. они совпадают с остальными балтийскими и славянскими соответствиями. Большая близость к перечисленным прусским

формам славянских *тънѣ, тебѣ, себѣ*, чем лит. *mán, táu, sáu*, не вызывает сомнений, однако особенно поразительна полная тождественность прусских и италийских образований (ср. др.-лат. *tíbei, síbei*, оск. *sífei*, умбр. *tefe*), на что уже обращалось внимание¹⁸.

· *mais* 'мой' (РКР-II, 287: лит. *mānas*), *twais* 'твой' (РКР-II, 318: лит. *tāvas*), *swais* 'свой' (РКР-II, 309: лит. *sāvas*). Прусские притяжательные местоимения, как видно из перечисленных форм, идентичны славянским *mojъ, tvojъ, svojъ* и отличны от соответствующих восточнобалтийских. Существует мнение, что аналогичную структуру скрывает лат. *meus* (< *mejos)¹⁹.

12. *rokunst* 'охранять, прикрывать' (РКР-II, 299), *kunti* 'охраняет' (РКР-II, 309: лит. *saugóli*) сравнивается с праслав. *kŏtati*²⁰ (ср. болг. *кътам* 'берегу, пряху', с.-хорв. *skŭtami* 'скрыть, спрятать', рус. *кутать* и др.). Сравнение с другими индоевропейскими лексемами казалось ненадежным. Из славянской лексики генетически соотносенным считается праслав. *kŏtja* 'дом, хижина' ('укрытие' > 'дом'). Именно это сравнение прямо указывает на первоисточник: др.-иран. *kata* (< *kŕta) 'комната, погреб, землянка'. Словообразовательная инновация здесь определяется тем, что посредством суффикса причастия прошедшего времени *-ta-* от глагольной основы *-kŕ-* 'копать' образуется *kŕ-ta* 'выкопанное' в последующей лексикализации причастия. То, что праслав. *kŏtja* вторично нарастило суффикс *-ja* (возможно под влиянием *hyzja* 'хижина')²¹, свидетельствует *kŏtati* (< *kŏtŕ* или *kŏta*), возникшее, следовательно, до *kŏtŕ, kŏta* > *kŏtja*.

13. *pausto* — *paustocaican* 'дикая лошадь' Е 654 (РКР-II, 257: лит.: *laukinis arklŭs*), *paustocallo* 'дикая кошка' Е 665 (РКР-II, 278: лит. *laukinė katė*), *paustre* 'пустошь, дикое место' Е 624 (РКР-II; 265: лит. *dykumà*). Эти лексемы генетически соотносятся с праслав. *pustŕ* 'пустой, пустынный, дикий' (ср. с.-хорв. *nŭst* 'пустой, пустынный', *nŭstara* 'пустошь, степь', словен. *pust* 'пустой, пустынный, безлюдный, дикий' и др.)²². Индоевропейские параллели весьма сомнительны. Общие соображения реконструкции приводят нас к и.-е. **peu-/po-*, отраженным в др.-инд. *pávate* 'чистит, очищает'. Мы полагаем, что детерминатив *-s-* нашел свое отражение в лат. *pŭrus*, в котором слились имена с *-r* и *-s-* основами и в частности *pŭrus* < *pausos имело значение 'чистый, пустой, девственный, дикий' (ср. в этих значениях лат. *pŭrus*). Мы также считаем, что реликты *pausos сохранились и в славянских языках. Сюда следует отнести загадочные в этимологическом отношении чеш. *rouchlŭj* 'пустой', словен. *puhel* то же.

14. *saltan* 'сало' Е 376 (РКР-II, 285: лит. *lašiniai*). Традиционно связывается с кельт. *saldi-*, *sald-* (ирл. *saill, sall* 'солонина, свиное сало, жир' от *saillim* 'солю')²³, то есть первоначально 'просоленное сало'. Сюда же мы относим праслав. *sadlo* 'сало'²⁴. При этом следует обратить внимание на морфологическое тождество праслав. *sadlo* и др.-прусс. *saltan* (основа ср. р. на *o*). Трудность представляет собой фонетика корня. Ожидалось бы праслав. *soldo. Праслав. *sadlo*, видимо, возникло из **sald-*, поэтому метатеза плавных не реализовалась, а *-ld-* > *-dl-*.

15. *słaytan* (*scaytan*) 'щит' Е 421 (РКР-II, 311; лит. *skūdas*). В обычно указываемое родство с праслав. *ščitъ* 'щит' включают ряд других лексем, далеких по значению, которые мы здесь опускаем. Из других индоевропейских параллелей традиционно включается ирл. *sciath* 'щит' и лат. *scutum* то же. Однако первое восходит к **skeit-*, второе к **skoitom*. Таким образом, латинская форма и фонетически, и морфологически соответствует др.-прус. *scaytan*. Считается, что ирл. *sciath* генетически соответствует праслав. *ščitъ*. В результате у нас возникает странное распределение изолекс: прусско-латинская (высокая степень надежности) и славяно-кельтская. Предполагаемое заимствование славянского слова из кельтского²⁵ дало бы на славянской почве **ščěťъ* (ср. *klěťъ*), ибо праславянское заимствование из ирландского (герм. древнеирландского) невозможно, а и.-е. *ei* дало в пракельтском *ē*. Остается лишь предположить славянское заимствование из пракельтского до *ei* > *ē* (тогда *ščěťъ* и *klěťъ* относились бы к разным периодам кельто-славянских языковых контактов), либо переогласовку на славянской языковой почве. Последнее более приемлемо. В любом случае здесь, как и в других аналогичных случаях, прусско-славянская эксклюзивная изолекса соотносится с кельто-италийским языковым ареалом.

16. *wanso* 'первая борода, пушок' Е 100 (РКР-II, 321; лит. *usai*). Прежде всего, следует отметить наличие гипотетического соответствия в литовском (жемайтском) — *uōstai* (< **uōsai*) 'усы'. Лит. (аукшт.) *ūsas*, *ūsai* и лтш. *ūsas* заимствованы из восточнославянских диалектов (Fraenkel, 1167). Пруско-жемайтский массив следует отнести к единому языковому ареалу, поэтому наличие восточнославянских соответствий к др.-прус. *wanso* относительно. Лит.-жем. **uōsai* может быть результатом утраты старого носового (< **uqsai*) (Fraenkel, там же) и прямым проникновением из прусского. Если это все так, то и в данном случае, хотя с меньшей вероятностью, мы фиксируем прусско-славянскую эксклюзивную изолексу, имея в виду праслав. *uqsъ* 'ус, борода' (болг. *въс* 'ус', словен. *vōs* то же, др.-рус. *усъ* 'ус, борода', чеш. *vous* 'ус', польск. *wąs* то же, в.-луж. *wusy* то же, полаб. *vqs* 'борода'). Ближайшим соответствием к прусско-славянской изолексе является др.-ирл. *fes* 'борода' (< **fans*) с закономерным *an* > *ē* перед последующим *s*²⁶.

17. *wutris* 'кузнец' Е 513, *antre* (*autre*) 'кузница' Е 514 (РКР-II, 277; лит. *kālvīs*, *kālvė*), Буга предлагает читать *antre* как *wutre* (RR, III, 661) и, таким образом, отрицает аблаутные отношения между *autre* и *wutris*. Нам представляется это чтение убедительным, хотя оно вызывает трудности в чисто филологическом плане. Убедительность его вытекает из обычной поздней производности для таких технических терминов (ср. лит. *kālvė* — *kālvīs*). Несмотря на то, что Трубачев при доказательстве прусского происхождения праслав. *vьtrъ* 'кузнец' исходил именно из рефлексации двух ступеней аблаута на прусской языковой почве²⁷, его вывод остается в силе, если прусско-славянская изолекса действительно имеет общую западноиндоевропейскую ориентацию. В качестве предварительной мы выдвигаем следующую гипотезу. Трубачев рас-

смаатривает перечисленные кузнечные термины в связи с внедрением в кузнечное дело искусственного дутья (он исходит из и.-е. *uē 'дуть, веять' ²⁸. В этом его поддерживает Топоров (Прус. яз. А—D, 174—175). Мы также принимаем данную версию, но только в плане реалий, а не терминов. Терминологически мы предпочли бы связать др.-прус. *wutris* и праслав. *vъtrъ* непосредственно с одним из названий мехов. Ср. праслав. *měxъ* 'бурдюк, кожаный мех' и лат. *uter, utris* 'бурдюк, кожаный мех'. Этимология лат. *uter* совершенно прозрачна (ср. лат. *uterus* 'утроба, внутренняя полость'). С другой стороны, *uter, utris* соответствует др.-прусс. *wutris* и фонетически и морфологически, что перекликается с рядом аналогичных прусско-славянских изолексов.

Рассмотренные нами эксклюзивные прусско-славянские изолексы были выделены в результате сплошного просмотра прусской лексики. При этом мы столкнулись с рядом трудностей этимологического характера, прежде всего связанных с наложением на древние отношения поздних польско-прусских языковых контактов ²⁹. Значительные трудности возникали при определении надежности прусской эксклюзивности, надежности отсутствия восточнобалтийских соответствий ³⁰. В качестве яркого примера объединения всех этих трудностей в одной этимологии мы могли бы сослаться на др.-прус. *dalptan* 'долото', которое было нами исключено из списка эксклюзивных прусско-славянских изолексов. Хотя Трубачев и отказался от своего более раннего представления о *dalptan* как о заимствовании «из северных диалектов древнепольского языка, где долго могли сохраняться донатазные огласовки» ³¹, но он все же не видит восточнобалтийских соответствий для прусского слова (ЭССЯ, 5, 60, 206). С другой стороны, Топоров (Прус. яз. А—D, 292—293) с определенностью указывает на такие соответствия. Очень трудно принять точку зрения Топорова о независимом образовании др.-прус. *dalptan* и праслав. *dolbto* соответственно от прабалт. *dilbti* (лит. *dilbti, delbti*) и праслав. *dьlbtī*, учитывая полную фонетическую, морфологическую и семантическую тождественность этих слов, ибо если отнестись это название долота к балто-славянской или протобалтийской эпохе, то непонятным остается полное отсутствие его в восточнобалтийских языках. В восточнобалтийских языках, как известно, долото называется словом *kaltas* (лит. *káltas*, лтш. *kaltis*), образованным от *kálti* 'ковать, бить молотом'. То, что этот глагол существовал в прусском, доказывает др.-прус. *preitalis (preikalis)* 'наковальня', соотносимое с лит. *priekālas* в том же значении. И тем не менее нам пришлось отказаться от этого и ряда других трудных примеров.

Предварительный и по необходимости краткий характер исследования заставил нас почти полностью отказаться от рассмотрения этимологических версий, и соответственно резко сократить ссылки на литературу.

Тем не менее уже в этом своем виде исследование дает очевидное основание для некоторых пусть чисто гипотетических выводов. Бросается в глаза наблюдаемая в подавляющем большинстве случаев (14 из 17) итало-кельтская ориентация прусско-славянских эксклю-

живных изолекс. Если при этом учесть, что две из оставшихся изолекс не имеют ориентации, то есть индоевропейские соответствия для них не установлены, то лишь одна изолекса (*kunti* с *kotati*) имеет противоположную ориентацию — иранскую. Особенно важна изолекса 11, где собрано фактически пять местоименных изолекс, составляющих грамматическую подсистему. Учитывая местоименные соответствия, число прусско-славянских эксклюзивных изолекс, ориентированных на итало-кельтский языковой ареал, может быть доведено до 23.

- ¹ Вся паспортизация прусских примеров дается по литовско-прусскому указателю в последнем издании прусских текстов, осуществленном В. Маколюсом (*Prūsų kalbos paminklai*, II, Vilnius, 1981). В дальнейшем — РКР—II.
- ² *Schmalstieg W.* Four Old Prussian Etymologies. — *Baltistica* V (2), 1969, 268—269.
- ³ *Shevelov G. Y.* Dwie uwagi o słowiańskim *ē*. — *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, 5, 1965, 93—95.
- ⁴ *Мартьянов В. В.* К реконструкции славянского и дославянского вокализма. — В кн.: *Studia Rossica Posnaniensia*, X, 1979, 130—133.
- ⁵ *Stang Chr.* Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo—Berlin—Tromsø, 1966, 37—39.
- ⁶ *Vaillant A.* Problèmes étymologiques — *RÉS*, 4, 1957, 137.
- ⁷ *Specht F.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947, 168.
- ⁸ *Ср. Sjöberg A.* Об одной древнепрусской пословице. — *Scando-Slavica* XV, 1969, 275—276.
- ⁹ *Мартьянов В. В.* Семантические архаизмы на южнославянской языковой периферии. — В кн.: *Ареальные исследования в языкознании и этнографии*. Л., 1977, 184.
- ¹⁰ См. сноски 3—4.
- ¹¹ *Мартьянов В. В.* Балто-славяно-италийские изоглоссы. Минск, 1978, 30.
- ¹² О словообразовательных особенностях праслав. *měsęcъ* см.: *Отрембский Я.* Из области славянского и балтийского словообразования. — В кн.: *Балто-славянский сборник*. М., 1972, 187.
- ¹³ См. в последнее время: *Pellegrini G., Prosdocimi A. Z.* La lingua venetica, II. Padova, 1967, 142.
- ¹⁴ См.: *Stang Chr.* Op. cit., 26. В списке соответствующих примеров приводится также *mealde*.
- ¹⁵ См. в последнее время: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- ¹⁶ *Stang Chr.* Op. cit., 255. См. также недавние исследования по становлению и структуре прусских местоимений: *Schmalstieg W. A.* New Look at the Old Prussian Pronoun. — *Baltistica*, VII (2), 1971 и соответствующий раздел в: *Schmalstieg W.* An Old Prussian Grammar. The Pennsylvania University Press, 1974; *Palmaitis Z.* Prūsų kalbos negimininių į vardžių formų kilmė. — *Baltistica*, XII (2), 1976. Особенно в последней работе преувеличивается роль аналогий в развитии местоименных форм.
- ¹⁷ *Stang Chr.* Op. cit., 255.
- ¹⁸ Там же, 248.
- ¹⁹ Там же, 239.
- ²⁰ *Trautmann R.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910, 365.
- ²¹ Ср.: *Мартьянов В. В.* Славянские этимологические версии. — В кн.: *Русское и славянское языкознание*. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1972, 191.
- ²² *Trautmann R.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler, 391.
- ²³ *Stokes W.* Urkeltischer Sprachschatz. Göttingen, 1894, 291.
- ²⁴ Эта этимология была предложена еще Оштиром (*Skok* 3, 195). Махек (*Maček* 1, 437) допускает возможность родства *sadlo* с лат. *sēbum* 'сало'. Лат. *sē-*

but могло бы генетически соотноситься с прл. *sall* (< **sald-*), если бы первое возводилось к *seldom. Морфологически это вполне регулярно и совпадает с др.-прус. *salтан* и праслав. *sadlo*. Махек сравнивает *sadlo* с *sēbum*, имея в виду возведение последнего к *sēdhom* и сравнение *sadlo* с *saditi* 'садить', хотя сам же замечает, что в случае *saditi* + *lo* мы ожидали бы *sadilo. К этому можно добавить, что *Nomina actionis* и соответствующие *Nomina acti* на *-lo* образуются от первичных глаголов с сохранением *e-* огласовки (*prędlo* < *pręsti*, *načędlo* < *načęti* и др.) (*Słownik prasłowiański* I, 104). Как хорошо видно из прилагаемого здесь списка Славского, *sadlo* < *saditi* оказывается единственным примером, в котором нарушается это правило.

- ²⁵ См.: *Мартынов В. В.* Балто-славяно-италийские изоглоссы. Минск, 1978. 11. Здесь отдается предпочтение италийскому влиянию на западнобалтийский языковой ареал. Действительно фонетическое, морфологическое и семантическое тождество латинской и прусской форм хорошо соответствует тако интерпретации. Разумеется, не может быть и речи о генетической соотнесенности, поскольку вводимые в игру языки не восходят к праедишству. И к тому же в данном случае речь идет о техническом термине.
- ²⁶ *Thurneysen R.* Handbuch des Altprussischen. Heidelberg, 1909, 125.
- ²⁷ *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 338.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ См.: *Milewski T.* Stosunki językowe polsko-pruskie, SOc, XVIII, 1947. *Ненюкунный А. П.* Прусские славизмы и лексика кашубских и варминско-мазурских говоров польского языка. — *Baltistica* IX (2), 1973. Эти образцовые работы во многом помогают преодолеть трудности, связанные с проблемой польско-прусских языковых контактов.
- ³⁰ Здесь неопценимую пользу принесла великолепная работа В. Н. Топорова. Прусский язык. Словарь. А—Д, Е—Н, J—К. М., 1975—1980, к сожалению еще далекая от своего завершения; список Р. Траутмана (см. *Trautmann R.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler, XIII) при всей его тщательности в настоящее время уже не удовлетворяет.
- ³¹ *Трубачев О. Н.* Указ. соч., 154.

Л. В. Куркина

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

(*kujati/*kaviti и *kzvati/*kyvati; **mug-*/**mž-*; *plesmo, *ob-pletz; *pqkati, *pqčiti/*pečiti; *kujъ/*kuja; *tulz, *tyls, *tvelz)

*kujati/*kaviti и *kzvati/*kyvati

Основание для реконструкции слав. *kujati (*se*) дают некоторые лексемы, представленные преимущественно в западной части южнославянской языковой области. Это — хорв.-кайк. *kujati se* (XVI в., Белостенец, Вольтиджи) 'притворяться; опускать крылья' (Стулли) = *kūjati se* 'сердиться, дуться' = *raskūjati kokoše* (Водице) 'распугать кур' = *on kūja* (Црес) 'он дремлет' (Skok II, 224), *kujati* 'дремать сидя; недомогать, хворать' (RJA V, 752: со ссылкой на Стулли); словен. *kūjati se* 'дуться, сопротивляться; отказываться из противоречия; сторониться гнезда', *skujati* 'дуться, сердиться с намерением отступиться от обещания; пытаться нарушить договор', 'становиться